

В последние дни Чоу Хуайшэн стал замечать за Ань Цзыянем странность: тот явно его избегал. Стоило Хуайшэну заговорить, как Цзыянь начинал мямлить, запинаться, а затем и вовсе находил благовидный предлог, чтобы поскорее уйти. Это несказанно озадачивало. Он раз за разом перебирал в памяти их недавние разговоры, пытаясь понять, не обидел ли он юношу чем-то, но, сколько ни думал, так и не находил разгадки.

Сегодня на горе Небесного Духа начинался великий молебен. Все даосы монастыря должны были непрерывно, от рассвета до заката, молить небо о благословении на протяжении трех дней. Ань Цзыянь, не будучи послушником, от этой обязанности был освобожден. Чтобы гость не остался голодным, Чоу Хуайшэн заранее приготовил еду. Очаг в павильоне, Хранящем Облака, никогда не угасал, так что разогреть обед не составило бы труда. Даже обычный горький отвар, который ежедневно пил Цзыянь, Хуайшэн заменил на целебные пилюли, чтобы избавить его от лишних хлопот.

Поскольку дверь в спальню Ань Цзыяня была заперта изнутри, Чоу Хуайшэн не знал, проснулся ли тот, и потому негромко обратился к закрытой створке:

— Еду я оставил в кухне. Как встанешь, разогрей, если остынет. Отдыхай хорошенько, а к вечеру я вернусь и приготовлю ужин.

Постояв мгновение, он засомневался: вдруг Цзыянь еще спит и пропустит слова мимо ушей? Беспокоясь, что тот останется голодным, Хуайшэн достал кисть и тушь, быстро набросал все сказанное на листке бумаги и аккуратно просунул записку в щель под дверь.

Вообще-то предупредить об этом следовало еще накануне вечером. Однако в последнее время Цзыянь выходил из своей комнаты только поесть да умыться. Все остальное время он проводил взаперти, благородно именуя это «созерцанием и воспитанием духа». Хуайшэн не смел навязываться и мешать чужому уединению. Он искренне хотел поговорить по душам и рассеять возникшую неловкость, но внезапный молебен спутал все карты. Откровенный разговор пришлось отложить на три дня.

На самом деле Ань Цзыянь давно не спал. Он просто лежал на постели, уставившись в потолок и не желая подниматься. Он и сам не понимал, почему с упорством избегает Чоу Хуайшэна. Разум твердил, что это глупо и несправедливо, но совладать с глухим волнением не получалось — особенно когда Хуайшэн смотрел на него или пытался заговорить. Теперь Цзыянь горько раскаивался, что вообще завел тот злополучный разговор о женитьбе. Не спроси он тогда об этом, они бы по-прежнему ладили как ни в чем не бывало. Он чувствовал, как сильно огорчает Хуайшэна своим поведением, но и самому ему было ничуть не легче.

Впрочем, теперь ситуация временно разрешилась. Три дня молебнов у алтаря дарили ему желанную передышку — три дня, чтобы разобраться в собственной душе и унять глупое смятение.

Едва снаружи затихли шаги, Цзыянь поднялся, оделся и отворил дверь. У порога белел листок бумаги. Пробежав глазами торопливые строчки, он тихонько вздохнул. Он ведь все слышал,

пока лежал в постели, но заботливость Хуайшэна тронула его до глубины души. Смотря на размашистый и уверенный почерк, Ань Цзыянь почувствовал, как к сердцу подкатывает волна мягкого тепла.

Он бережно сложил бумажку и подошел к платяному шкафу. Из самых глубин он извлек небольшой лакированный ларчик. Стоило откинуть крышку, как юноша невольно улыбнулся.

Внутри покоились милые безделушки: сплетенные из тонких бамбуковых лучин стрекозы, цветы и бабочки, а еще забавные кузнечики и крошечный дракон из подсохших пальмовых листьев. Все это Чоу Хуайшэн мастерил для него в первые недели его жизни на горе. Тогда Цзыянь еще шутливо ворчал, что подобные игрушки годятся разве что девицам, а ему, взрослому мужчине, они ни к чему. Но подарки все равно забрал с тайной радостью, выпросил у Хуайшэна этот самый ларец и бережно спрятал туда каждую вещицу. За все время он не выбросил ни одной — так и хранил их, точно величайшее сокровище.

Цзыянь вытащил безделушки одну за другой, согревая их в ладонях и легонько касаясь хрупких крыльев соломенных бабочек. Наигравшись, он аккуратно уложил все обратно, спрятал туда же сложенную записку и, щелкнув крошечным замочком, убрал ларчик обратно в шкаф.

Позавтракав, он вытащил во двор удобное кресло-качалку и с наслаждением опустился на него. Последние дни, проведенные в душном добровольном заточении, казались теперь кошмаром; наконец-то можно было погреться на солнышке. Стояла середина лета, но здесь, на заоблачных кручах горы Небесного Духа, царила благодатная прохлада. Здешний климат не шел ни в какое сравнение с удушливым зноем низин, от которого не спасали даже тенистые сады императорских резиденций. Впрочем, из-за слабого здоровья и врожденного избытка холода в теле Цзыянь замерзал быстрее обычных людей. Там, где другие наслаждались свежестью, он зябко кутался в одежды. Поэтому летом его любимым занятием было греться под прямыми солнечными лучами, а зимой — не отходить от жаровни с углями.

Оставшись один в безмолвии павильона, Ань Цзыянь наслаждался покоем. Тревоги и глухое недовольство собой постепенно растаяли без следа. Когда полуденное солнце начало слепить глаза, он раскрыл прихваченную с собой книгу и положил ее себе на лицо, укрывшись от яркого света. Около полудня он ненадолго поднялся, чтобы перекусить, а затем снова вернулся в кресло-качалку и, убаюканный мерным покачиванием и шелестом листвы, незаметно для себя уснул.

Тем временем на храмовой площади вовсю шло священнодействие. Вскоре после прихода Чоу Хуайшэна к главному алтарю колокол возвестил о начале обряда. Все послушники и монахи склонились ниц, внимая размеренному, гулкому голосу Истинного владыки Сюаньцина, зачитывавшего молитвенное обращение к небесам.

«Ныне, когда звезда благоденствия озарила своим светом гору Небесного Духа, я, твой смиренный ученик Сюаньцин, веду за собой сию паству, дабы испросить мира и процветания для нашей обители и покоя для всех окрестных земель...»

Чтение затянулось без малого на полчаса. Когда старый настоятель закончил, началось возжигание благовоний, подношение даров и долгая череда ритуальных приветствий небесных светил. Затем последовала скромная монастырская трапеза, и за всеми этими заботами день пролетел незаметно. На горы опустились сумерки.

Вернувшись в павильон, Хранящий Облака, Чоу Хуайшэн обнаружил, что Ань Цзыянь так и спит в саду. Возле мерно покачивающегося от ветра кресла на траве белели страницы обронившейся книги — должно быть, юноша неловко повернулся во сне. Хуайшэн бесшумно подошел, поднял томик и заботливо отряхнул обложку от насевшей пыли.

Ночи на вершине бывали коварны. Стоило солнцу скрыться за перевалом, как летнее тепло мгновенно сменялось сырым, пронизывающим холодом. Подхватить простуду в такие часы — дело минутное, а для слабого здоровья Цзыяня и вовсе губительное. Он ведь только-только оправился от недавней лихорадки, а теперь снова выказывал такое безрассудство.

Хуайшэн покачал головой и тихонько вздохнул, глядя на безмятежное лицо спящего. Стараясь не потревожить его сон, он осторожно просунул руки под спину и колени юноши, поднял его и отнес в теплую спальню. Оставив его на постели, он бесшумно прикрыл дверь и направился в кухню.

Заглянув туда, Чоу Хуайшэн с удовлетворением заметил, что оставленная с утра посуда пуста — Цзыянь съел все до последней крошки. На душе потеплело, и мужчина довольно улыбнулся. Он тут же принялся разводить огонь, чтобы приготовить ужин на двоих. Пусть он не знал точно, когда юноша проснется, забота о нем уже стала привычкой. Хуайшэн никогда не жалел времени на кулинарные хлопоты; его пугала сама мысль о том, что Цзыянь выпится и обнаружит пустой стол. За внешней суровостью и немногословностью этого человека скрывалась удивительно чуткая натура.

На самом деле Цзыянь очнулся в то самое мгновение, когда сильные руки оторвали его от кресла. Он не помнил, как уснул, и совершенно потерял счет времени, но открыть глаза так и не решился. Мысль о том, что придется встретиться с Хуайшэном взглядом, приводила его в трепет. Затаив дыхание, он притворялся спящим, пока его бережно опускали на мягкую постель, и распахнул глаза лишь тогда, когда тихий шорох шагов за дверью окончательно затих.

Пока Хуайшэн нес его на руках, сердце в груди Цзыяня колотилось так бешено, что, казалось, этот стук разносился по всему дому. Он до смерти боялся, что мужчина услышит эту безумную дробь, поймет притворство, и тогда краска стыда навеки лишит его возможности смотреть другу в лицо.

Теперь глупо было что-то отрицать или сомневаться. Ань Цзыянь наконец признался самому себе: этот человек стал ему дорог. Оказывается, вот она какая — любовь. Странное, пугающее чувство, заставляющее трепетать от случайного прикосновения, прятать глаза при встрече и глупо заикаться во время простых разговоров. Будь его воля, он бы вернулся на несколько дней назад и прикусил себе язык, лишь бы не задавать тот дурацкий вопрос о женитьбе. Разгадка собственных чувств принесла ясность, но не облегчение. Цзыяню не нравилась собственная

уязвимость.

В тишине полутемной спальни юноша тихо прошептал в пустоту:

«Что, если брат Хуайшэн узнает о моих чувствах? Как он отреагирует? Вдруг возненавидит меня или станет презирать?.. Ему наверняка нравятся обычные кроткие девы, а не такой, как я... Кто бы мог подумать, что моя первая любовь окажется столь горькой»

Он уткнулся лицом в ладони и тяжело вздохнул.

— И кто же кого любит? — внезапно раздался от двери низкий голос.

Чоу Хуайшэн стоял на пороге, удерживая в руках тяжелый деревянный поднос с исходящими паром мисками.

— Брат... Брат Хуайшэн? Ты уже вернулся? — Ань Цзыянь испуганно вздрогнул. Голос предательски задрожал.

Юноша судорожно соображал: раз Хуайшэн задал такой вопрос, значит, он не расслышал предыдущих слов и уловил лишь обрывок фразы. Это открытие принесло облегчение, хоть сердце все еще испуганно трепетало.

— Да нет... ничего такого! Тебе показалось, брат Хуайшэн, ты точно ослышался!

Ложь далась с трудом, щеки опалило предательским румянцем. Врать человеку, к которому тянулось все его существо, было совестно, но это казалось куда меньшим злом, чем признаться во всем прямо сейчас.

— Вот как? Значит, и впрямь послышалось, — спокойно отозвался Хуайшэн, не показывая, поверил он или нет. Он прошел к столу и принялся расставлять приборы. — Вставай, нужно поужинать, пока все горячее.

Время действительно давно перевалило за ужин, так что проголодавшийся за день Цзыянь уплетал угощение с непривычным аппетитом, быстро опустошая свою пиалу.

— Расскажи, брат Хуайшэн, как прошел молебен? — поинтересовался Цзыянь, желая отвлечься от смущающих мыслей. Ему безумно хотелось узнать, сильно ли монастырские обряды отличаются от тех пышных и помпезных церемоний, что ежегодно проводились в императорском дворце.

— Шумно и довольно утомительно, — ответил Хуайшэн, ловко подкладывая в пиалу юноши самые сочные кусочки. — Но дело благое, ради благополучия горы можно и потерпеть. Ешь

побольше, ты наверняка проголодался, пока ждал меня.

Напряжение, висевшее между ними последнюю неделю, наконец рассеялось, уступив место прежнему теплу. Хуайшэн искренне радовался, что они снова могут говорить непринужденно. У него на языке вертелось множество вопросов о причинах недавней холодности и странного поведения Цзыяня, но мужчина сознательно сдержал любопытство. Он слишком боялся, что один неловкий вопрос разрушит это хрупкое перемирие и заставит юношу вновь замкнуться в себе.

— Тебе тоже нужно восстановить силы, — улыбнулся Цзыянь и в ответ положил на его тарелку угощение.

Привычный уют заполнил комнату. Юноша вдруг подумал:

«Ну и пусть я люблю его. Если не терзать себя напрасными страхами и глупыми ожиданиями, в этом нет ничего страшного. Зачем я изводил себя и отдалялся, едва не разрушив все, что между нами есть? К счастью, брат Хуайшэн оказался терпелив и великодушен»

Эта простая мысль принесла долгожданное облегчение. Тяжелый камень, давивший на грудь все эти дни, наконец рухнул, оставив после себя лишь легкое, приятное чувство свободы.

И хотя правила приличия предписывали соблюдать за столом молчание, сегодня они пренебрегли условностями. Разговор лился легко и свободно, то и дело прерываясь негромким искренним смехом. Обитель, еще недавно казавшаяся холодной и пустой, вновь наполнилась живым теплом.

Смятение улеглось. Свои чувства к Чоу Хуайшэну Ань Цзыянь решил запереть в самый дальний уголок души — бережно, без лишней горечи. Он больше не станет бежать от себя и от того, кто ему дорог. А будущее... что же, когда придут трудности, тогда он и будет с ними справляться.

<http://bllate.org/book/18341/1810084>